

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 2, Pp. 440–455, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-440-455

К вопросу об отождествлении Гэсэра и Чингис-хана. Часть 1. Контаминация образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии

Наталя Никитична Николаева¹, Евгений Владимирович Нолев²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-4903-7387. E-mail: natanika80@mail.ru

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-7756-7791. E-mail: [nolev\[at\]inbox.ru](mailto:nolev[at]inbox.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Николаева Н. Н., Нолев Е. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Эпический герой Гэсэр (Кезер, Гесар) и основатель монгольской империи Чингис-хан относятся к одним из наиболее знаковых персонажей фольклора Внутренней Азии. Включенность народов Сибири в общемонгольские исторические события обусловила популярность, широкое распространение в фольклоре и в некоторых аспектах сходный сакральный статус этих двух персонажей. Рассмотрение в одном семантическом поле Чингис-хана и Гэсэра интересно и актуально с точки зрения исследования в рамках существовавшего заблуждения об их идентичности / тождественности, а также вопросов исторической памяти и мифологизации личности в народном сознании. *Цель* статьи — выявить, классифицировать и исследовать сюжеты отождествления, родства и типологической близости Гэсэра и Чингис-хана в фольклоре и исторической памяти народов Внутренней Азии. В статье рассмотрена концепция Г. Н. Потанина, одним из первых в отечественной историографии указавшего на данную контаминацию и предпринявшего попытку анализа ее мифологической основы. *Материалы и методы* исследования. Применение методов историзма и объективности позволило реконструировать концепцию отождествления Гэсэра и Чингис-хана в трудах Г. Н. Потанина. Методы сравнительного анализа позволили выявить общие образы и сюжеты фольклорных произведений монгольских и тюркских народов и рассмотреть их как в рамках родственного происхождения, так и в аспекте типологической обусловленности историческими условиями. Контекстуальный анализ позволил выявить значения повествовательных ситуаций и семантику образов, реализуемых в контексте этих ситуаций. Исследование основано на фольклорных источниках народов Сибири и Внутренней Азии, архивных материалах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Результаты.* Выделены основные группы сюжетов отождествления Гэсэра и Чингис-хана: мифическое родство; слияние двух образов в один или генеалогическая преемственность; бли-

зость семантических функций культурных героев. *Выводы.* Образ демиурга Гэсэра-Чингиса характерен для южносибирской тюркской мифологии. В устной традиции монгольских народов образы Гэсэра и Чингис-хана не сливаются друг с другом, но имеют выраженные связи и близки как сакральные обожествленные персонажи. В мифо-эпическом пространстве бурят Чингис-хан и Гэсэр связываются родственными узами, выступают в роли родоначальников / прародителей не в целом монголов, а именно бурятских племен, и создателей некоторых элементов национального культурного кода.

Ключевые слова: героический эпос, мифология, Гэсэр, Чингис-хан, фольклор, коллективная память, историческая память, Г. Н. Потанин.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139, <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>).

Для цитирования: Николаева Н. Н., Нолев Е. В. К вопросу об отождествлении Гэсэра и Чингис-хана. Часть 1. Контаминация образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии // *Oriental Studies*. Т. 17. № 2. С. 440–455. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-440-455

Identifying [between] Geser and Genghis Khan. Part 1: Contamination of Images in Folklore and Historical Memories of Central and Inner Asia

Natalia N. Nikolaeva¹, Evgenii V. Nolev²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-4903-7387/ E-mail: natanika80[at]mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Nikolaeva N. N., Nolev E. V., 2024

Abstract. Introduction. The epic hero Geser (Abai Geser Bogdo Khan, Geser, Gesar) and the founder of the Mongol Empire Genghis Khan are most remarkable and iconic characters in folklore traditions of Inner Asia. The involvedness of Siberia's peoples — including Buryat clans and tribes (despite their largely peripheral locations) — in general Mongolian historical events led to the two characters became equally popular, widespread, and somewhat sacral folklore images. It is interesting and topical enough to consider Genghis Khan and Geser in one semantic field from the perspectives of their misidentification (or even suggested sameness), historical memory, and mythologization of personality in ethnic consciousness. *Goals.* The article aims to identify, classify and explore plots that tend to identify, articulate kinship and typological proximity of Geser and Genghis Khan in folklore and historical memories of Inner Asian peoples. The concept of G. Potanin — an earliest Russian historiographer to have pointed out the contamination and attempted to analyze its mythological basis — shall be examined in detail. *Materials and methods.* The addressed principles of historicism and objectivity make it possible to reconstruct the concept of [mis]identifying Geser and Genghis Khan examined in G. Potanin's works. Methods of comparative analysis — the comparative/genetic and historical/typological ones — have proven instrumental in tracing common images and plots of Turko-Mongolian folklore narratives, and considering the latter both within related origins and typological proximities arising from actual historical conditions. Contextual analysis tools have revealed certain meanings of narrative situations and semantics of images articulated in those situations. The study focuses on folklore patterns of Siberia and Inner Asia's groups, archival materials housed by the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS). *Results.* The paper delineates key

clusters of folklore plots that identify Geser and Genghis Khan, namely: merger of the two images into one, genealogical succession, mythical kinship, identical semantic functions of the culture heroes. *Conclusions.* The image of demiurge Geser-Genghis is characteristic of South Siberian Turkic mythologies, while the Mongolic oral traditions distinguish between the images but tend to view them as ones with pronounced ties, and basically deify the characters. In Buryat mythical/epic space, Genghis Khan and Geser act as relatives — heavenly divine brother-progenitors of not Mongols at large but specifically Buryat tribes. In addition, both of the heroes are represented as creators of some certain elements included in the ethnic cultural code.

Keywords: heroic epic, mythology, Geser, Genghis Khan, folklore, collective memory, historical memory, G. Potanin

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-78-10139. Available at: <https://rscf.ru/project/23-78-10139>.

For citation: Nikolaeva N. N., Nolev E. V. Identifying [between] Geser and Genghis Khan. Part 1: Contamination of Images in Folklore and Historical Memories of Central and Inner Asia. *Oriental Studies*. 2024; 17 (2): 440–455. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-72-2-440-455

1. Введение

12 марта 1941 г. в ходе заседания Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) было принято решение просить ЦК ВКП(б) разрешить провести декаду бурят-монгольской литературы в Москве и юбилей «Гэсэра» в конце 1942 г. [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1911. Л. 1]. Таким образом, великий герой центральноазиатского эпоса, имеющего глубокие самобытные традиции в фольклоре бурятского народа, должен был быть представлен советскому обществу в качестве культурного достояния Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР). Внезапно начавшаяся Великая Отечественная война, перечеркнув планы проведения декады бурят-монгольской литературы, придала новое актуальное звучание и осмысление древнему эпосу. В главном политико-идеологическом сборнике 1943 г. «XX лет Бурят-Монгольской АССР» известный ученый и общественный деятель М. И. Шулушкин, сравнивая известных Героев Ж. Е. Тулаева, Ц. Р. Доржиева и других с легендарными баторами, писал: «И подобно Гэсэру и его тридцати трем богатырям, наш народ жаждет учинить жестокую расправу над немецким людоедом, оскалившим пасть на человечество» [XX лет 1943: 135]. Ученый секретарь Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории Е. М. Залкинд в своей статье также охарактеризовал публикацию на бурятском языке патриотических глав «Гэсэра» как издание старинного героического эпоса, зовуще-

го к воскрешению боевых традиций предков [XX лет 1943: 166]. Противоположной идеологической оценки в тяжелейшем противостоянии был удостоен другой представитель монгольского средневековья, реальный исторический деятель Чингис-хан, чьи «татаро-монгольские орды» сравнивались с гитлеровскими войсками. Так, в 1944 г. И. В. Сталин отмечал, что методы фашистских захватчиков «превзошли в своем варварстве методы Чингисхана» [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 104–106].

Между тем всего три года спустя после окончания войны в газете «Бурят-Монгольская Правда» вышла статья «Против идеализации феодально-ханского эпоса», авторами которой выступили председатель Президиума Верховного Совета БМАССР Д. Ц. Цыремпилов, ведущие деятели культуры и гуманитарной науки республики [Галсанов и др. 1948]. Подвергнув резкой критике на страницах главного регионального периодического издания монографию академика С. А. Козина «Эпос монгольских народов» [Козин 1948], авторы статьи подчеркивали отождествление мифического Гэсэра и реального Чингис-хана: «Популяризация „Гесериады“ понадобилась С. А. Козину все для той же цели — для пропаганды, возвеличивания, безудержного восхваления Чингис-хана и его империи, как „золотого века“ в жизни монгольских народов» [Галсанов и др. 1948: 3]. Вместе с тем было особо отмечено, что «попытка пропаганды „чингисхановщины“, используя феодаль-

но-ханский эпос „Гэсэр“, замаскированный под народное творение, предпринималась бурят-монгольскими буржуазно-националистическими элементами и раньше, но встретила должный отпор со стороны общественности» [Галсанов и др. 1948: 4]. Это «отождествление» Гэсэра и Чингис-хана положило начало многолетней дискуссии, развернувшейся в академической и политической среде [Ratcliffe 2019]. Исследователи, рассматривая преимущественно сам факт, но не природу «отождествления», подвергнут критике ошибочные положения в трудах Г. Н. Потанина и С. А. Козина, подчас объединяя взгляды ученых единой линией преемственности. Так, председатель заседания филологической секции Ученого Совета Института востоковедения АН СССР совместно с сектором Монголии и Кореи и сектором Советского Востока проф. И. С. Брагинский следующим образом сформулировал одну из главных задач научного собрания 6 апреля 1951 г.: «Необходимо окончательно решить, является ли Чингис-хан прототипом, послужившим для создания образа Гэсэр-хана. Это положение, точнее предположение, некогда высказанное Потаниным на основании внешнего сходства имени брата Чингис-хана Хасара с именем Гэсэра, было использовано в наше время академиком С. А. Козиным» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1704. Л. 69]. Однако, принимая во внимание наличие общих сюжетов, все же при внимательном рассмотрении взгляды названных ученых сложно объединить в единую концепцию, равно как невозможно свести к редуцированной формуле внешнего сходства имен Гэсэр и Хасар. Последнее обстоятельство хоть и имеет место в суждениях исследователей, не только не обладает первостепенным значением, но и трактуется по-разному. В основе взглядов Г. Н. Потанина по вопросу сопоставления Гэсэра и Чингис-хана лежат данные фольклора тюрко-монгольских народов и интерпретация мифа как проявления общих мировых сюжетов. Идея же С. А. Козина о сравнении «Гэсэриады», «Джангариады» и «Сокровенного сказания» исходит из теории об отражении в эпосе эволюции социально-политического сознания народа. Подобное разграничение задает фольклорный и историографический векторы в исследовании проблемы соединения

мифологического образа Гэсэра и исторической личности Чингис-хана. В данной статье мы сосредоточимся на изучении данных фольклора народов Сибири и Внутренней Азии. Цель статьи — выявить, классифицировать и исследовать сюжеты отождествления, родства и типологической близости Гэсэра и Чингис-хана в фольклоре и исторической памяти народов Внутренней Азии. Будет рассмотрена концепция Г. Н. Потанина, одним из первых в отечественной историографии указавшего на данную контаминацию и предпринявшего попытку анализа ее мифологической основы.

2. Гэсэр и Чингис-хан в исследованиях Г. Н. Потанина

Неутомимый исследователь географии, этнографии и культуры народов Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потанин, чей научный подвиг был отмечен Золотой Константиновской медалью, собрал богатейшую фольклорную коллекцию, значимое место в которой занимали предания о Гэсэре и Чингис-хане. В одной из экспедиций конца XIX в. ученый обратил внимание на божество «Чингись-Кэзэрь-Кайракан», почитавшееся у урянхайцев, которому приписывалось сотворение всей природы после всеобщего потопа [Потанин 1882: 160]. При этом упоминание указанных имен по отдельности в легендах с идентичным сюжетом, например, об изобретении водки Кэзэрь-ханом и изобретении вина Чингис-ханом, навели Г. Н. Потанина на мысль, что «Кэзэрь-хан есть лицо тождественное с Чингись-ханом», что подтвердили и опрошенные им урянхайцы [Потанин 1882: 161]. Слово *кэзэрь*, ставшее нарицательным и обозначающее богатыря, было также отмечено и у теленгитов. Именно с мифическим «Кэзэром» и сбором более подробных сведений о нем у урянхайцев и теленгитов ученый связывал надежды дополнить темные страницы предания о Чингис-хане, особенно в контексте раскрытия исторической роли брата правителя Монгольской империи — Хасара, по-видимому, отождествляя эпического Гэсэра и легендарного полководца.

Основываясь на упоминании Д. Банзаровым известного монгольского шамана «Чингис-Хаджира-Тэнгрин-ху, то есть сына неба», Г. Н. Потанин приходит к заключению, что Чингис-хан в книжном сказании

представлен в двух ипостасях: исторического завоевателя и баснословной мифической личности Громовника, известной под именами «Чингисъ-ханъ, Кэзэръ-кайраканъ, Чингис-Кэзэръ-Кайраканъ, Чингисъ-Хаджиръ-бо, Тэнгрийнъ-ху, Газыръ-гамъ» [Потанин 1882: 161–162]. Исследование культа сына неба окажет большое влияние на дальнейшую эволюцию взглядов ученого о тождественной или родственной природе Гэсэра и Чингис-хана в рамках теории принадлежности любого национального эпоса к мировому, имеющей подчас довольно зыбкие основания. Сопоставив известные сказания Северной Азии о сыне неба, Г. Н. Потанин выявил четыре предания с единым героем, носящим разные имена: Цорос, Ирин-Сайн, Гэсэр и Чингис-хан. Гэсэр в сказании, распространенном в Восточной Монголии от русской границы до границ Тибета, является одним из трех сыновей царя неба — «Хормустень-хана», посланным им для очищения земли от опасных чудовищ. В сказании о Чингис-хане исследователь отмечает слияние личности «среднеазиатского завоевателя» с героем небесного происхождения, названным в устных преданиях сыном «Хормустень-хана» [Потанин 1916: 20–24].

Работа Г. Н. Потанина по исследованию эпоса «Гэсэр» получила неоднозначную оценку в трудах востоковедов. Б. И. Панкратов, признавая особые заслуги ученого в публикации всех бурят-монгольских вариантов «Сказания о Гэсэре», услышанных им в экспедициях, считал, что его попытка литературоведческого анализа «Сказания» никак не может быть признана удачной [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1704. Л. 24]. В ошибочном следовании «порочным утверждениям известного ученого Потанина», который отождествлял Гэсэра с так называемым легендарным Чингисом, признавался Г. Ц. Бельгаев [О характере 1953: 186]. В резолюции заседания «О характере эпоса „Гэсэр“», прошедшего в Институте востоковедения АН СССР в 1951 г., отмечалось, что положение о мнимой «трилогии» академика С. А. Козина, представляющей Гэсэра поэтизированным Чингис-ханом, основано на гипотезе Г. Н. Потанина, который неправильно истолковал работы Д. Банзарова, а также отмечал «в подтверждение своей гипотезы существующее якобы некоторое сходство в преданиях о детстве

Гэсэра» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 1704. Л. 114–115]. Таким образом, взгляды Г. Н. Потанина без должного критического осмысления рассматривались исключительно в контексте теории С. А. Козина. Заслуга ученого заключается в выявлении фольклорных сюжетов отождествления Гэсэра и Чингис-хана, которые, вступая в противоречие со свидетельствами известных на сегодня исторических источников, тем не менее, служат ярким подтверждением наличия синкретичных образов в фольклоре и исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии.

3. Контаминация Гэсэра и Чингис-хана

Безусловно, версия единства Чингис-хана и Гэсэра не выдерживает критики в отношении исторической достоверности, поскольку ни в одном монгольском источнике, устном или письменном, нет даже косвенных данных о том, что Чингис-хан именовался Гэсэром или Гэсэра называли Чингисом. Точку в этом вопросе поставила работа Ц. Дамдинсурэна, где автором на обширном устном и летописном монголо-тибетском материале доказана несостоятельность версии отождествления Гэсэра и Чингис-хана [Дамдинсурэн 1957: 31–53], а в качестве прототипа Гэсэра назван туфаньский князь Госьло [Дамдинсурэн 1957: 202]. Вместе с тем данный сюжет в различных вариациях прочно закрепился в исторической памяти народов Сибири и Внутренней Азии, отражаясь в местных легендах и преданиях.

В тувинской мифологии, действительно, имеется персонаж Кезер-Чингис или Кезер, культурный герой, великан, участвующий в сотворении мира. Миф о происхождении живых существ, в котором он сооружает плот и спасает от потопа по паре всех живых существ, сохраняя также горсть земли [Мифы, легенды, предания 2010: 59], имеет очевидные библейские параллели, а также общетюркские, связанные с сотворением мира верховным божеством и его антагонистом. В других мифологических нарративах Кезер-Чингис на заре творения мира участвует в прокладке русел рек, громоздит горы, либо, как вариант, выступает в качестве родственника другого культурного героя, Сартакпая, которому приписываются эти деяния [Мифы, легенды, предания 2010: 97–99]. Примечательно, что одним из назва-

ний сказания о Гэсэре в устной традиции тувинцев является «Сказание о благородном Кезер-Чингис Богда хане, владыке десяти сторон света, искоренителе десяти зол» [Донгак 2019]. Контаминация Чингис-хана и Гэсэра, по свидетельствам исследователей XIX в., также наблюдалась у сойотов. Так, Гэсэр-хан считался сыном Чингис-хана наряду с Амыр-Саной¹ и Ак-каном. Ак-кан стал Белым царем, т. е. русским императором, Амыр-Сана также ушел в Россию, а Гэсэр-хан правил сойотами, и самое большое божество сойотов именовалось Гэсэр-Чингиз [Данилин 1993: 60–61]. У алтайцев Чингис-хан считался дедом Ульгения, верховного небесного божества-демиурга, который, согласно преданию, когда-то жил на земле, правил всеми алтайцами, был добр и справедлив к своим подданным, а Гэсэр-хан был одним из духов богатырей-защитников, к которым обращались в своих молитвах бурханисты, приверженцы веры Ак Янг, синтезирующей буддийские и шаманистские идеи [Сагалаев 1992: 33, 163–164]. У тюрков Саяно-Алтая образ Чингис-хана предельно мифологизировался вплоть до наделения его статусом демиурга, божества и предка божества, первочеловека.

Контаминированный образ Гэсэра-Чингиса характерен именно для южносибирской тюркской мифологии, что, скорее всего, можно объяснить их слабой вовлеченностью в события, происходившие на монгольской территории Внутренней Азии. У собственно монгольских народов такого «микшированного» образа, как Гэсэр-Чингис, не зафиксировано. Эти герои четко разделены, что и неудивительно, учитывая историю монголов и развитый культ Чингис-хана. При этом одновременное почитание Гэсэра и Чингис-хана в исторической памяти монгольского народа привело к позднейшей контаминации легендарных образов, «воплощенных» в личности исторического деятеля Барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга. С одной стороны, по свидетельству Б. Ринчена, барона Р. Ф. фон Унгерна, освободившего Ургу от китайской оккупации, ламы дацана Дашсамданлин «провозгласили воплощением Гэсэра Воинственного — тобуу Гэсэр-ун хубилган» [Кузьмин, Митруев

2023: 102]. При этом отождествлению барона Р. Ф. фон Унгерна с Гэсэром способствовали следующие обстоятельства: освобождение столицы Монголии, чьим покровителем считался Жамсаран (буддийское божество, часто отождествляемое с Гэсэром); миссия, провозглашенная бароном, по восстановлению правления маньчжурской династии, о которой считалось, что она находится под покровительством Гэсэра; а также неуязвимость Р. Ф. фон Унгерна в боях [Кузьмин, Митруев 2023: 108]. С другой стороны, наряду с неоднократно декларируемой бароном Р. Ф. фон Унгерном целью по восстановлению империи Чингис-хана в 1920-х гг. в Харбине ходили слухи, «что жена Унгерна — монголка, даже что она происходит по прямой линии от Чингисхана» [Кузьмин 2011: 95, 390].

4. Божественные братья и мифические родоначальники

В фольклорной традиции бурят и вообще в целом монгольских народов можно отметить два факта: образ Чингис-хана, безусловно, сильно мифологизирован и сакрализован; Чингис-хан и Гэсэр вращаются в одном мифологическом поле и довольно близко друг от друга. Гэсэр в большинстве многочисленных национальных версий и вариантов эпоса представлен сыном Хурмасты / Хормусты / Хан Хурмаса (в бурятских иногда он — сын верховного небожителя Эсэгэ Малана). Довольно подробная генеалогия Чингис-хана, казалось бы, известна и изложена во многих монгольских летописях, но, тем не менее, в некоторых из них он также именуется сыном Хормуста-тэнгрия [Ванчикова 2013: 113]. Небесное происхождение от божества и тем более от верховного божества является обоснованием легитимизации его личной власти и власти его потомков, «Золотого рода», над монголами. Более ранние попытки обосновать высокое и неординарное происхождение рода Чингис-хана отображены в «Сокровенном сказании монголов». Это и мифический предок Буртэ-Чино («Сивый Волк»), рожденный «по изволению Вышнего Неба», и зачатие Бодончара, основателя рода борджигин, от солнечного сияния [Монголой ньюса тобшо 1990: 12, 14]. Это же возведение генеалогии Чингис-хана к небесному божеству и конкретно к Хормусте есть и в бурятской

¹ Амурсана (тув. *Амыр-Сана*, монг. *Амарсанаа*, 1722–1757 гг.) — последний правитель Джунгарского ханства.

Гэсэриаде. В версии унгинского сказителя Папы Тушемилова у предводителя пятидесяти пяти правосторонних небожителей Хан-Хюрмаса три сына — старший Зад-Шухэр, средний Мэргэн-Тухултур (будущий Гэсэр) и младший Шэрээтэ Шэнгэс богдо (бур. ‘престольный августейший Чингис’) [Тушемилов 2022: 13]. В сводной прозаической версии балаганских бурят, записанной М. Н. Хангаловым, у Хан Хюрмаса старший сын Хабата-Хасар-мэргэн, средний Бохо-Бэлгэтэ (будущий Гэсэр) и младший Шингис-Шэрээтэ-богдо [Хангалов 2004: 182]. Вариант М. Н. Хангалова интересен тем, что три сына небожителя — это, по сути, Чингис-хан и два его брата Хасар и Бельгутэй, причем точно даны их прозвища-характеристики, известные по монгольским легендам и преданиям: *хабата* ‘сильный, могучий’, *мэргэн* ‘стрелок’, *бүхэ* ‘силач, сильный, крепкий’. С. Ю. Неклюдов отмечает позднее проникновение их имен («задним числом») в мифологический пролог эпоса из монгольских летописных легенд [Неклюдов 2019: 401]. В записях Ц. Ж. Жамцарано у Хан Хермос тэнгрия три сына на земле — Гэсэр (или Ойхони-баабай, или Жамсаран, буддийское божество-защитник веры), страж земли; Гэгэн-бурхан, который ранее жил на о. Ольхон, но потом перебрался в Пекин, а его место занял Гэсэр — Ойхони-баабай — Жамсаран, который обязан с еще семью божествами оберегать и поддерживать шаманскую веру; и третий сын — Шингэд богдо [Жамцарано 2011: 48–49].

В бурятском эпосе Чингис-хан (Шэрээтэ Шингис богдо) как небесный божественный брат Гэсэра пассивен и имеет номинальный характер, несмотря на явную сакрализованность. Собиратель Т. М. Маланова отмечала, что сказитель Папа Тушемилов настаивал на этом имени, несмотря на официальные запреты и крайне непростое время записи (1948 г.) [Тушемилов 2022: 13]. Судя по материалам М. Н. Хангалова, имя Чингиса было включено в пантеон высших божеств-тэнгриев. Так, среди правосторонних, т. е. покровительствующих людям, тэнгриев имеется Чингис-тэнгэри с тремя сыновьями. Он посылает сыновей на землю поохотиться, наказав делиться добычей друг с другом, но младший сын нарушает наказ отца, не отдавая братьям добытое. Раз-

гневанный Чингис-тэнгэри стреляет в сына и рассекает ему позвоночник. Сын отвечает, что через полтора часа он должен был стать ханом, но его подстрелили. Поэтому он уйдет и станет Тольто-ханом (бур. ‘ханом, имеющим толи (зеркало, шаманское зеркало)’ и пророчествует, что будет забирать две трети из ста тысяч хороших и умных людей и две трети из ста тысяч хороших скакунов. По этой причине умные и хорошие люди не отличаются долгой жизнью и быстро пропадают хорошие кони [Хангалов 2004: 93, 95]. Под Тольто-ханом подразумевается владыка подземного мира мертвых Эрлик или Эрлэн-хан, которого также называли Толи-Гэрэлтэ-хан (‘Имеющий светлое толи (зеркало) хан’), поскольку считалось, что он обладает золотым толи, в котором видит все грехи человека. Хотя у того же М. Н. Хангалова приводится мнение о том, что Тольто-хан — самостоятельный персонаж, не подчиняющийся Эрлэн-хану. Собственно, в самом нарративе о Чингис-тэнгэри и его сыне угадывается довольно распространенный и стереотипичный сюжет о первом убитом или умершем человеке, ставшем царем подземного мира и судьей мертвых. В сложной многоструктурной иерархии бурятских божеств, разделяющихся как горизонтально (правосторонние (добрые) — левосторонние (злые)), так и вертикально (тэнгрии, обитающие на небе, — хаты, обитающие на земле), Чингис-тэнгэри занимает довольно высокое положение, выступая правосторонним небесным божеством и отцом могущественного владыки мира мертвых.

Общая генеалогия Гэсэра и Чингиса прослеживается и в некоторых сюжетах генеалогических нарративов бурят. Общеизвестные мифы о тотемном предке — сивом быке Буха-нойоне, родоначальниках Булагате и Эхирите, их приемных матерях — шаманках Асуйхан и Хусыхан, родоначальнике хоринцев Хоридой Мэргэне иногда включают в себя и Гэсэра с Чингис-ханом (или его братьев). Так, по Дж. Куртину, Гэсэр является небесным отцом Буха-нойона [Неклюдов 2019: 280]. По другим версиям, Эхирит и Булагат родились либо от жены Хабата Хасара, которая изменила ему с Бухэ Бельгутэем, либо от дочери Табалун хана, которая вступила в любовную связь с Хабату Хасар Мэргэном [Жамцарано 2011: 45, 79], как вариант — с сыном самого Чингиса

[Байкальские народные сказания 2011: 22]. Другими словами, по сути, происхождение двух крупнейших бурятских племен булагат и эхирит возводится к Гэсэру или к Чингис-хану. Они оба выступают мифическими родоначальниками бурят.

Связь Чингис-хана с древней историей бурят четко проявляется в песнях, легендах и преданиях хоринцев, где он называется внуком хоринского рода баруун хуасай (через брак его предка Добу-Мергана с Алан-Гоа, дочерью Хорилартай-Мергана, владельца земли Баргуджин-Тукум, расположенной на территории современной Республики Бурятия и более локально — в районе Баргузинской долины) или зятем хоринцев. В других нарративах Чингис-хан вместе с первопредком Хоридоем готовится к военным походам, проживая вместе с ним у подножия горы Бархан в Баргузинском районе [Цыбикова 2022: 15]. Имя Чингис-хана также связывается с мифической землей Наян-Нава, якобы прародиной хоринцев, «потерянным раем», откуда они некогда ушли после походов с чингисидами [Дампилова 2023: 88–92]. В сознании носителей традиции прекрасное утраченное прошлое соотносится с Чингис-ханом и, по всей видимости, это можно интерпретировать и как отголоски реальных исторических событий, сохранившиеся в коллективной памяти, так и попытки подчеркнуть общую историю бурят и монголов.

Генеалогия, восходящая к Гэсэру, встречалась также у монголов и тибетцев. Некоторые княжеские династии Тибета и семейные линии буддийских деятелей школы Ньингма возводили свое происхождение к этому герою [Янгутов 2017: 45]. У монголов это было как на достаточно смазанном уровне, как «вроде бы здесь жил потомок Гесера... Считается, что здесь жили потомки Гесера» [Неклюдов 2019: 561], так и с привязкой имен конкретных исторических лиц, например, когда Гэсэра считали предком восьмого хунтайджи Джунгарского ханства Дабачи / Даваца (Джунгарию при этом называли страной Гэсэра) [Дамдинсүрэн 1957: 23–24]. Кроме того, у бурят также связывали с Гэсэром происхождение известного ойратского военачальника Лоузанг-Шуну (бур. *Шоно-батор*), чрезвычайно популярного героя песен и исторических преданий калмыков, ойратов, бурят, алтайцев [Мир-

заева 2016; и др.]. Считалось, что у Гэсэра от четвертой жены, дочери Гумэн-хана, родился сын Бухэ Улан-батор, который стал дедом Шоно-батора [Небесная дева 1992: 143–144]. В другом варианте Гэсэр, идя на встречу с Северным Белым царем (т. е. русским царем), заезжает к Аюхан¹-хану и, восхищенный красотой его младшей дочери, берет ее в жены. Однако далее, испугавшись своих трех жен, отказывается от нее. Девушка отвечает, что он поступил неверно, но что она получила от него благословение, которое в будущем прославит его имя. Не возвращаясь к отцу, она выходит замуж за Буйлан-батора, который затем отдает ее Хун тайжи, и она рождает сына Шоно-батора [Атутова 2017: 53–54]. В тексте исторические события и исторические личности буквально срастаются с мифологическими, и нарратив, наверное, можно назвать примером коллективной памяти, органически сочетавшей вымышленное и действительное. Лоузанг-Шуну действительно был внуком Аюка-хана от его дочери Сетерджаб, которая была замужем за джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом. В бурятской традиции этот факт переосмыслен и связан с Гэсэром. Слова девушки о том, что она получила благословение, скорее всего, можно интерпретировать как намек на ее беременность от него и, таким образом, отцом знаменитого полководца становится эпический персонаж, семантически близкий ему в качестве знаменитого и любимого в народе героя.

Таким образом, в мифо-эпическом пространстве бурят Чингис-хан и Гэсэр достаточно тесно взаимодействуют, связываются родственными узами, представая небесными божественными братьями, выступают в роли родоначальников / прародителей не в целом монголов, а именно бурятских племен. При этом заметим, что в бурятском фольклоре (и вообще в монгольском) происхождение Чингис-хана не представляется восходящим к Гэсэру. Этих двух персонажей отличает, очевидно, слишком сильная харизма, не дающая возвести происхождение одного к другому. Максимум, они занимают равноценное положение в качестве божественных братьев.

Хронотоп подобных нарративов отличается размытостью и диффузией временных

¹ Аюка-хан (1642–1724 гг.) — правитель Калмыцкого ханства.

рамок, смешением исторических периодов и персонажей, что в целом характерно для народной памяти, часто объединявшей в одном пространстве наиболее значимые и известные образы. Включение имени мифологического, эпического героя в один ряд с действительно историческими лицами можно объяснить народной верой в реальное существование в прошлом не только эпических богатырей и совершаемые ими подвиги, но и вообще в целом верой в историчность лиц и событий эпоса, мифов, легенд и преданий и т. д. Для носителя фольклорной традиции реальность существования Гэсэр-хана наряду с Чингис-ханом, Лоузанг-Шуну, Амарсаной и др. не вызывала никаких сомнений. Все собиратели и первые исследователи бурятского эпоса отмечали, что буряты искренне верили, что Абай Гэсэр Богдо хан действительно жил некогда на земле. В Монголии в сомоне Мунххаан считалось, что Гэсэр был монгольским богатырем и жил до Чингиса, среди жителей остались его потомки, которые называли себя «очагом Гэсэра», а в храме Гэсэра до его разрушения в 1937 г. хранились его ружье (!), панцирь, сабля, богато украшенное седло, богатырская шапка (шлем), котел с треногой, которые береглись и почитались [Неклюдов 2019: 561, 564]. Здесь опять же налицо смешение исторических реалий и полная уверенность информанта С. Ю. Неклюдова — халха-монгола Дондова — в существовании такой исторической личности, как Гэсэр. Его не смущают излагаемые им и противоречащие друг другу сведения о том, что Гэсэр жил раньше, чем Чингис-хан, и о наличии у него огнестрельного оружия, предмета куда более поздней эпохи. В некоторых монгольских летописях рождение Чингис-хана отсчитывается от периода жизни Гэсэра, и, по мнению Ц. Дамдинсурэна, это доказательство того, что в ранних устных преданиях Тибета и Монголии Гэсэр считался таким же историческим героем, как Чингис, но более ранним по времени: «По соизволению будды, по указанию Хормусты, после Гэсэра, по истечении ста лет родился великий Чингис, чтобы упорядочить мир и владычествовать над всем миром» [Дамдинсурэн 1957: 197].

Интересны также сюжеты нарративов, которые можно назвать историко-генеалогическими преданиями, в которых рекон-

струируются псевдоисторические события, связанные с российской императорской династией Романовых. Согласно различным, но довольно близким вариантам, оставленная в какой-либо местности жена Чингис-хана попадает в Россию, рождает сына, который становится кучером. Сына зовут Ромашкой (аллюзия на Романовых). Далее кучер становится царем, поскольку при выборе или поисках царской особы именно перед ним чудесным образом загорается лампадка. Иногда Чингис-хан помогает сыну утвердиться на троне [Цыбикова 2022: 153; Небесная дева 1991: 167–168]. Другой текст изобилует именами исторических персонажей и эпохами, «спрессованными» в одном хронотопе: «Перед тем, как пойти к границам Германии, попросил [руки] Катерины, женился на ней, и жили [они вместе] около двух лет. Хатан / царица Катерина от Чингиса родила сына. Когда Чингис вернулся, сын Катерины хан Бата занял престол. Николай Романов тоже чингисова крови» [Цыбикова 2022: 153]. Катерина — вероятней всего, императрица Екатерина II, образ которой был представлен в фольклоре бурят, в основном песенном и религиозном; Бата-хан — возможно, внук Чингис-хана Бату, известный в русской истории и летописной традиции как хан Батый. Аналогичные сюжеты, связывающие генеалогию народа либо его правителей с правящей царской династией, были известны не только у бурят, но и у южных тюрков. У упомянутых выше сойотов, например, Чингис-хан имел трех сыновей, в числе которых Гэсэр-хан, правитель сойотов, и Ак-кан, ставший Белым царем, т. е. русским императором [Данилин 1993: 60]. У алтайцев династия Романовых восходит к ойратскому Лоузанг-Шуну, который спасает русскую царицу Бала-каан (здесь Екатерина II) от громадного змея, женится на ней и у них рождается два сына: Константин Павлович и Николай Павлович, император Николай I [Несказочная проза 2011: 335–337]. При этом некоторые сказания о Лоузанг-Шуну Батыре в мифологических представлениях алтайцев переплетаются с подвигами Гэсэр-хана и Чингис-хана [Цыбенова, Ринчинова 2019: 52].

Подобное сближение Романовых и «Золотого рода», безусловно, можно объяснить «отразившимися в народном сознании отголосками нашествия монгольской империи

на Русь и имевшими место этнокультурными контактами» [Цыбикова 2022: 153]. Но это, может быть, в том числе, и попыткой «объяснить» нахождение бурят в Российской империи, выбор ими в свое время российского подданства, а не протектората халхаских или джунгарских ханов, более близких, казалось бы, по этническому происхождению. Устойчивые мотивы нисходящего родства по линии отец – сын и, вследствие этого, в некотором роде иерархически уступающее положение династии Романовых роду Чингис-хана, на наш взгляд, — крайне завуалированная интерпретация «особости» своего положения, как народа, этнически близкого монголам, «Золотому роду» и Чингис-хану, и, по другим легендам, также связанного с ним узами родства по материнской линии.

5. Гэсэр и Чингис — культурные герои

У Гэсэра в бурятском эпосе «цивилизаторская роль» и мироустроительная функция [Скрынникова 1995: 99–100]. В качестве культурного героя, несущего порядок и устраняющего хаос, Гэсэр осваивает пространство, окультуривает его, создает элементы жизнеобеспечения и конструирует образ жизни, который признается основополагающим в народной традиции. Комплекс действий, предпринимаемых им, довольно широк и разнообразен, и в них отчетливо прослеживаются этиологические, астральные, эсхатологические реминисценции:

– строительство дворца, топка печей, от которых идет дым, что можно интерпретировать как заселение первочеловеком дикой, необжитой земли [Абай Гэсэр-хубун 1961: 44];

– появление таких космических объектов, как Млечный Путь, которое объясняется как брызги молока его небесной бабушки, прародительницы тэнгриев Манзан Гурмэ, которым она спасла его от собственного же проклятья [Абай Гэсэр 1960: 279]; созвездие Большой Медведицы (бур. *Долоон Үбгэд* ‘Семь Старцев’), семь звезд которой — это черепа-чаши семи кузнецов [Абай Гэсэр 1960: 279]; в сказании, бытовавшем среди калмыков, его деятельность связана с Плеядами и избавлением от холода, который это созвездие напустило на Землю [Хабунова 2021: 1118];

– установление размеров насекомых (комаров, ос), размеров деревьев и гор; замена

частей тела некоторых птиц и насекомых (воронов, комаров) для того, чтобы они не угрожали людям; действия, благодаря которым на земле появляются драгоценные металлы, целебные источники и растения [Абай Гэсэр-хубун 1961: 30–32; Абай Гэсэр 1960: 38–39, 262–269, 283–287];

– демоноборчество, которое имеет вселенский масштаб — чудовища, которых победил Гэсэр, продолжают сотрясать мир, и он стережет их, либо Гэсэр должен вернуться, чтобы на исходе мира еще раз сразиться со злом.

Культурная деятельность Гэсэра на этом не исчерпывается. Он — герой-первоустроитель, созидатель того, что самими носителями традиции воспринимается как национальный культурный код, и в этой функции к нему опять же близок Чингис. Они оба предстают, например, как основатели некоторых традиционных обрядов и действий. Так, балаганские буряты считали, что Гэсэр учредил свадьбу, т. е., по всей видимости, институт брака как таковой, в понимании информантов [Хангалов 2004: 54]. В шаманских песнопениях Гэсэр призывается вместе с парой высших божеств Эсэгэ Маланом и Эхэ Юурэн: *Гэгээн ехэ бурхан / Гэсэр ехэ Богдо / Эсэгэ Малаан баабай / Эхэ Юурэн шиби / Түүхэ ехэ табилайт / Түрэ ехэ багтаалайт* ‘Великое светлое божество / Великий Гэсэр Богдо / Эсэгэ Малан отец / Эхэ Юурэн мать / Великую историю [вы] учредили / Великую свадьбу создали’ [Шаракшинова 1969: 129]. Родоначальником свадебных обрядов и ряда культовых практик Гэсэр считается и у монголов, а к покрою одежды его жен возводят традиционный покрой национальной женской одежды [Неклюдов 2019: 371]. Но также у бурят появление свадебных традиций — предшествующих непосредственно свадьбе ритуалов сватовства, обычая обмена кушаками-поясами, поднесения подарков в виде коня, золота и т. д. — приписывается и Чингис-хану, кроме того, к нему отдельно возводится произнесение свадебных благопожеланий и появление традиции благопожеланий в целом, а еще традиция ношения куска красной материи на верхушке национального головного убора, впоследствии замененной красными кистями [Цыбикова 2022: 151–153; Носырев 1927: 84].

С именем Чингис-хана в бурятском фольклоре связан устойчивый мотив изо-

бретения вина. В большинстве текстов повторяется константный сюжет: Чингис-хан изобретает вино из 5 / 7 / 9 / 11 / 12 компонентов (*эрдэни*), названия которых варьируются. Он испытывает крепость получившегося напитка на камне, затем дает его попробовать слепому, безрукому и безногую, в результате чего те, опьянев, решают, что исцелились и могут видеть, могут побить кого-то несуществующими руками или истоптать несуществующими ногами [Небесная дева 1992: 272; Цыбикова 2022: 152]. В некоторых текстах изобретение вина Чингис-ханом соотносится опять-таки с существующими свадебными обычаями, согласно которым на свадьбах ранее, как считается, употребляли только молочные продукты, а вино (молочную водку тара-сун) стали пить только после изобретения ее Чингисом. В одном тексте Чингис назван хубилганом (бур. диал. ‘волшебник, кудесник, искусник, обманщик, хитрец’), которого на дне моря обучают питью вина, курению табака и игре в карты три человека. Вернувшись, он изготавливает вино из пяти элементов, которое получилось очень крепким. Он посылает за Заряя Заргаша, над которым насмеются его дочери. Обиженный Заряя Заргаша уходит, но по пути бормочет себе под нос о том, что вино должно состоять из трех компонентов. Его подслушивает заяц. Чингис изготавливает вино из трех компонентов и пробует его на слепом, безруком и безногую. Получившийся напиток подносят Буха-нойону и просят дозволения употреблять на торжествах [Атутова 2017: 23–24]. Нарратив примечателен тем, что это контаминация по меньшей мере двух сюжетов: о появлении вина и о Еже, советчике тэнгриев-небожителей. Сюда же включено и имя Буха-Нойона, Быка-Господина, мифического прародителя бурят-булагатов. Заряя Заргаша (бур. ‘Еж Сутяжник’, вар-т: Заряя Азарга, бур. ‘Еж Самец’) — шаманский онгон, по-видимому, в образе ежа, чей внешний вид всегда вызывает смех второстепенных персонажей, в результате чего он обижается. Тем не менее божества-тэнгрии просят его помощи в трудных ситуациях, хотя им обычно приходится узнавать его совет тайно, через подосланного гонца. Мифологические сюжеты о Заряя Заргаша связаны с солярными и лунарными мотивами, восстановлением миропорядка, установле-

нием некоторых традиций и брачных отношений. С именем Ежа обычно упоминаются имена высших божеств Эсэгэ Малана и Хан Хормусты, которые предпринимают действия, требующие его совета (женитьба сына, невозможность отказать в просьбе другому божееству, из-за чего может нарушиться миропорядок, и т. д.). Включение Чингиса в один ряд с ними вновь указывает на довольно глубокую мифологизацию его как фольклорного персонажа. Чингис выступает как первочеловек, медиатор между профанным и потусторонним, принесший людям некие блага (пусть это и блага не совсем позитивного рода — вино, табак и игра в карты).

С именами Гэсэра и Чингиса и их действиями, носящими ландшафтообразующий характер, связан ряд топонимических легенд и преданий, в которых излагается народная этимология той или иной местности. Интересно, что топонимические нарративы о Гэсэре чаще встречаются на территориях, где было распространено устное исполнение эпоса — Присаянье, Иркутская область, тогда как топонимические нарративы о Чингис-хане более частотны в Забайкалье. В случае с Гэсэром считается, что рельеф местности (гора, холм, падь, лавовые останцы) образовался в результате его сражений и служит подтверждением реальности существования героя. Например, когда Гэсэр сражался с Лобсогой-мангадхаем, он выстрелил в него, но попал в гору *Юнэн Төрөөн* (Нукутский район Иркутской области) и рассек ее; еще одни простреленные им горы — *Удагтай* и *Мухар Улаан* (Осинский район Иркутской области); от земли, вытряхнутой им из костяного отверстия стрелы, образовалась гора *Огсогоор* (Нукутский район Иркутской области); лавовые останцы в Тункинском районе Республики Бурятия — это остатки разрушившегося дворца еще одного врага, Гал Дулмэ хана [Хангалов 2004: 262–263].

Топонимические нарративы о Чингисе очень условно можно разделить на две группы: о погоне Чингис-хана за лисой и о так называемом «Вале Чингис-хана». Обе группы отличаются сказочным фоном сюжетов, введением в него демонологических персонажей (лисы-оборотня, демонической старухи-колдуньи), при этом первая группа более тесно связана с народной этимоло-

логией, так как в них названия местностей соотносятся с действиями героя: место, где прицелился и попал в лису — Онон (река в Монголии и Забайкальском крае РФ), от бур. *оноо* ‘попал’; местность, где убил — Ага (река и местность в Забайкальском крае РФ), которое якобы звучало раньше как *алаа* ‘убил’, и т. д. Вторая группа большей частью связана с завоевательными походами монгольского хана и объяснением появления археологического памятника «Вал Чингис-хана», протянувшегося на территории России, Монголии и Китая. Разделение сюжетов достаточно условно, так как существуют нарративы, в которых объединены мотивы погони за лисицей и появления в результате этого вала. В нарративе, записанном у баргузинских бурят, погоня за лисицей приписывается уже не Чингис-хану, а Гэсэру, и топонимия местности привязывается к его действиям [Гунгаров 1990: 161]. При этом стоит отметить, что реальный археологический памятник «Вал Чингис-хана» был возведен задолго до Чингис-хана во времена киданьской империи Ляо (907–1125) [Крадин и др. 2019: 75].

6. «Возвращение» Гэсэра и Чингис-хана

Гэсэр-хан — демоноборец, уничтожающий зло на Земле, и Чингис-хан, всемонгольский хан, давший монголам Великую Ясу — свод законов и установлений, также близки как образы идеальных правителей прошлого. Идеализируется время их правления, некоего «золотого века», их фигуры обожествляются, и в связи с этим появляются мотивы возвращения «короля былого и грядущего». Обожествление и почитание Чингис-хана было начато уже при его сыне Угэдэй-хане, а при Хубилай-хане был официально утвержден государственный культ почитания основателя монгольского государства [Ванчикова 2013: 114]. Культ Гэсэра также был распространен у тибетцев и монголоязычных народов, к нему обращались как к универсальному охранному и защитному божеству с просьбами о помощи и спасении от злых духов, избавлении от болезней, об удаче и содействии в делах [Ванчикова 2017]. Монголы особо почитали его как охотничье божество, дарующее добычу. Перед тем как уйти в тайгу, охотники приглашали сказителя и слушали «Гэсэр» либо читали «Сутру Гэсэра», его изображения на

ткани брали с собой на охоту, так как считалось, что оно приносило удачу [Шаракшинова 1969: 132; Неклюдов 2019: 279–280].

Сюжеты «возвращения» Гэсэра и Чингис-хана имеют похожие компоненты. Например: «Шингэс якобы перед смертью изрек следующее: „Когда наступит время [прихода] Майдари, явлюсь в облике человека на железном коне, разрублю голову шолмоса / дьявола, а моя сабля будет растягиваться на несколько километров“» [Цыбикова 2022: 154]. Мотив приурочения «возвращения» к явлению Будды Майтрейи, конечно же, буддизирован и довольно позднего порядка. Но мотив возвращения великого героя в трудное время (хаоса, войн, разрушенного миропорядка) и борьбы его с врагом в целом универсален для мировой культуры. Собственно, в «возвращении» Гэсэра повторяются те же элементы. Например, у М. Н. Хангалова: «Когда кончится мир и будет галаб, Лобсогой опять встанет и будет воевать с Абай-Гэсэр-Богдо-ханом, на этот раз Лобсогой победит Абай-Гэсэр-Богдо-хана» [Хангалов 2004: 262]. У Куртина: «После победы над врагами Гэсэр лег спать и будет спать до тех пор, пока не появятся в мире зло, злые духи и плохие люди. Он лежит под огромной плоской скалой, а вокруг большая тайга. Изредка он поворачивается с боку на бок, земля вздрагивает, русские называют это землетрясением, а буряты знают, что это Гэсэр Богдо поворачивается с боку на бок» [Шаракшинова 1969: 36–37]. Агинские буряты считали, что, пребывая на Земле, Гэсэр осквернился, и для того, чтобы подняться обратно на небеса и вновь стать тэнгрием, он должен родиться во второй раз, и второе рождение Гэсэра будет во втором его пришествии [Балдаев 2013: 390–391]. У эхирит-булагатских бурят новое рождение Гэсэра властелином мира ожидалось через две тысячи лет [Шаракшинова 1969: 129]. Существуют и представления об окаменевших богатырях Гэсэра, его пребывании на вершинах Саянских гор [Балдаев 1961: 64]. У калмыков есть нарратив об уже произошедшем возвращении Гэсэра в годы Великой Отечественной войны: он пробуждается под землей от грохота орудий, выходит и помогает солдатам уничтожить несколько танков [Неклюдов 2019: 558–559]. Идея возвращения спасителя простого народа, защитника слабых и обездоленных, вероят-

но, бытовала у многих народов, у которых в том или ином виде была распространена Гэсэриада. В представлениях о возвращении героя — защитника, великого правителя встречаются этиологические, эсхатологические и апокалипсические мотивы. И Гэсэр, и Чингис-хан представляются бессмертными героями, либо пребывающими в некоем вневременном пространстве, либо погруженными в состояние анабиотического сна, от которого должны в некоем будущем пробудиться, сохраняя при этом функции воина и защитника.

7. Заключение

Безусловно, в коллективной памяти народа запечатлеваются исключительные события и личности. Образы реальных персонажей, мифологизируясь, связываются с божественным пантеоном и начинают восприниматься в качестве культурных героев, мифических первопредков, демиургов. Хронотоп нарративов о Гэсэре и Чингис-хане часто отличается размытостью и диффузией временных рамок, смешением исторических периодов и персонажей, что в целом характерно для народной памяти, объединявшей в одном сюжете наиболее значимые и известные образы. Образ демиурга Гэсэра-Чингиса характерен для южносибирской тюркской мифологии, тогда как в устной традиции монгольских народов образы Гэсэра и Чингис-хана не сливаются друг с другом, но имеют довольно выраженные связи и близки как сакральные обожествленные

персонажи. В мифо-эпическом пространстве бурят Чингис-хан и Гэсэр связываются родственными узами, представая небесными божественными братьями, выступают в роли родоначальников / прародителей не в целом монголов, а именно бурятских племен. Кроме того, оба этих героя представлены созидателями, основателями некоторых элементов, входящих в национальный культурный код. Образ Гэсэра-хана — демоноборца, уничтожающего зло на Земле, и образ Чингис-хана, великого прославленного завоевателя, имеют точки соприкосновения также в аспекте идеализации правителя и времени его правления, обожествления его фигуры и связанных с этим мотивов возвращения «короля былого и грядущего». Выявленные контаминации образов Гэсэра и Чингис-хана в фольклоре не только бурят, но и в целом тюрко-монгольских народов Сибири входят в противоречие с данными известных сегодня исторических источников, но при этом являются безусловным фактом исторической памяти. Именно на таком основании синкретичный образ Гэсэра-Чингис-хана впервые в отечественной науке был обстоятельно проанализирован Г. Н. Потаниным, что в итоге сформировало дискуссию в историографии, продолжавшуюся до середины XX в. Правда, фундаментом этой дискуссии в дальнейшем будут служить совершенно другие концептуальные взгляды, которые мы предметно рассмотрим в следующей части нашего исследования.

Источники

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Литература

XX лет 1943 — XX лет Бурят-Монгольской АССР / отв. ред. Б. Санжиев. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1943. 182 с.
Абай Гэсэр 1960 — Абай Гэсэр / вступ. ст., подготовка текста, перевод и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: [б. и.], 1960. 314 с.
Абай Гэсэр-хубун 1961 — Абай Гэсэр-хубун. Эпопея. (Эхирит-булагатский вариант) / подготовка текста, перевод и примечания

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS).
Russian State Archive for Social and Political History.

М. П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ: [б. и.], 1961. 231 с.
Атутова 2017 — Атутова Г. И. Старинные бурятские сказания и предания от Бирху Гаврилова. Иркутск: Время странствий, 2017. 108 с.
Байкальские народные сказания 2011 — Байкальские народные сказания. Фольклор западных бурят XIX–XX в. / сост. и пер. А. Преловский. М.: Новый ключ, 2011. 496 с.

- Балдаев 1961 — *Балдаев С. П.* Избранное. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1961. 255 с.
- Балдаев 2013 — *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2013. 710 с.
- Ванчикова 2013 — *Ванчикова Ц. П.* К вопросу о возникновении культа Чингис-хана: по материалам «Белой истории» // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2013. № 2(49). С. 112–119.
- Ванчикова 2017 — *Ванчикова Ц. П.* О культе Гэсэра по обрядовым текстам на монгольском языке // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 2. С. 145–151.
- Галсанов и др. 1948 — *Галсанов Ц., Намсараев Х., Цыремпило Д., Лубсанов Д., Тюшев В., Оршанский Я., Цыдынжапов Г., Болдано Н., Очиров Ц., Тумунов Ж.* Против идеализации феодально-ханского эпоса // Бурят-Монгольская Правда. 18 декабря 1948. № 251(9437). С. 2–4.
- Гунгаров 1990 — *Гунгаров В. Ш.* Буряад түүхэ домогууд (= Бурятские исторические предания). Улаан-Удэ: Буряад номой хэблэл, 1990. 176 н.
- Дамдинсүрэн 1957 — *Дамдинсүрэн Ц.* Исторические корни Гэсэриады. М.: АН СССР, 1957. 240 с.
- Дампилова 2023 — *Дампилова Л. С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.
- Данилин 1993 — *Данилин А. Г.* Бурханизм (Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 204 с.
- Донгак 2019 — *Донгак А. С.* Языковые особенности тувинских вариантов «Сказания о Кезере» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6(79). С. 653–655.
- Жамцарано 2011 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники. 1903–1907 гг. / сост. Ц. П. Ванчикова, В. Ц. Лыскова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 264 с.
- Козин 1948 — *Козин С. А.* Эпос монгольских народов. М.; Л.: 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1948. 248 с.
- Крадин и др. 2019 — *Крадин Н. Н., Харинский А. В., Прокопцев С. Д., Ивлиев А. Л., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Э.* Великая киданьская стена: Северо-Восточный вал Чингис-Хана. М.: Наука; Вост. лит., 2019. 168 с.
- Кузьмин 2011 — *Кузьмин С. Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.
- Кузьмин, Митруев 2023 — *Кузьмин С. Л., Митруев Б. Л.* Барон Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг как бог войны: исторические и религиозные основания // Восточный Курьер (= Oriental Courier). 2023. № 3. С. 96–111.
- Мифы, легенды, предания 2010 — Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28).
- Мирзаева 2016 — *Мирзаева С. В.* Лузанг Шуну, Галдама и Амурсана — нойоны Джунгарского ханства // Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 313–343.
- Монголой нюуса тобшо 1990 — Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов. / науч. ред. Л. Д. Шагдаров. Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1990. 318 н.
- Небесная дева 1992 — Небесная дева лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / сост. и запись И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова и др. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Несказочная проза 2011 — Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).
- Носырев 1927 — *Носырев В. А.* Предание о Чингисхане // Бурятияведение. Бюллетень Бурят-монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. № 3-4. Верхнеудинск, 1927. С. 84.
- Тушемилов 2022 — *Тушемилов П. М.* Абай Гэсэр / науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Иркутск: Оттиск, 2022. 256 с.
- О характере 1953 — О характере бурятского героического эпоса «Гэсэр». Доклады и материалы из выступлений на объединенной научной сессии Института востоковедения Академии наук ССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (2–5 февраля 1953 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: [б. и.], 1953. 199 с.
- Потанин 1882 — *Потанин Г. Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и северной Монголии // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Ч. ССХІХ. С. 116–331.
- Потанин 1916 — *Потанин Г. Н.* Ерке. Культ

- сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск: Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного Дела, 1916. 131 с.
- Сагалаев 1992 — *Сагалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1992. 175 с.
- Скрынникова 1995 — *Скрынникова Т. Д.* Сакральные функции Гэсэра // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 99–102.
- Хабунова 2021 — *Хабунова Е. Э.* «Сказание о Гесере-богдо» в записи от Дорджиева Шарлда Дорджиевича, 1893 г. р.: общая характеристика, текст, комментарий // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 382–398. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: В 3 тт. Т. 2 / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2004. 312 с.
- Цыбенова, Ринчинова 2019 — *Цыбенова Л. Г., Ринчинова А. Э.* Исторические аспекты эпического сказания «Шоно-Баатор» народов Джунгарии // Глобальный научный потенциал. 2019. № 12(105). С. 51–53.
- Цыбикова 2022 — *Цыбикова Б.-Х. Б.* Образ Чингисхана в фольклоре бурят // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3(37). С. 149–159.
- Шаракшинова 1969 — *Шаракшинова Н. О.* Героический эпос о Гэсэре: учеб. пособие для студентов филол. фак. Иркутск: [б. и.], 1969. 348 с.
- Янгутов 2017 — *Янгутов Л. Е.* Гэсэр в традиции Ньингма // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2(26). С. 44–47.
- Ratcliffe 2019 — *Ratcliffe J.* Becoming-Geser, BecomingBuryat: Oral Epic and the Politics of Navigating Four Identity Crises. A thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy of the Australian National University. December 2019. 263 p.
- Moscow: USSR Academy of Sciences, 1957. 240 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Buryats of Russia, Mongolia, China: Preservation and Transformation of Folklore Traditions. Irkutsk: Ottisk, 2023. 216 p. (In Russ.)
- Danilin A. G. Burkhanism and Ethnic Liberation Movement in the Gornyi Altai: Glimpses of History. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 1993. 204 p. (In Russ.)
- Dongak A. S. Language features of Tuvan variants of “Tales about Kezer”. *The World of Science, Culture and Education*. 2019. No. 6 (79). Pp. 653–655. (In Russ.) DOI: 10.24411/1991-5497-2019-10283
- Galsanov Ts. et al. Against the idealization of feudal/royal epic narratives. *Buryat-Mongol'skaya Pravda*. 1948, December 18. No. 251 (9437). Pp. 2–4. (In Russ.)
- Gungarov V. Sh. Buryat Historical Tales. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 176 p. (In Bur.)
- Khabunova E. E. The Legend of Gesar Bogdo recorded from Sharlda Dordzhiev (born 1893): General description, text, commentary. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 382–398. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398
- Khangalov M. N. Complete Works. In 3 vols. Vol. 2. G. Rumyantsev (ed.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2004. 312 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Epic of Mongols. Moscow, Leningrad: USSR academy of Sciences, 1948. 248 p. (In Russ.)
- Abai Geser. Rec. by I. Madason from taleteller Pyokhon Petrov. A. Ulanov (foreword, text prep., etc.). Ulan-Ude, 1960. 314 p. (In Bur. and Russ.)
- Abai Geser. Rec. by T. Boldonova from taleteller Papa Tushemilov. S. Chagdurov (foreword, afterword). Irkutsk: Ottisk, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Abai Geser-Khubun: The Ekhirit-Bulagat Version. Rec. by Ts. Zhamtsarano from taleteller Manshut Imegenov. M. Khomonov (transl., etc.); A. Ulanov (foreword.). Ulan-Ude: Buryat ASSR Ministry of Culture, 1961. 231 p. (In Bur. and Russ.)
- Alekseev N. A., Kuular D. S., Samdan Z. B., Yusha Zh. M. Tuvan Myths, Legends, Tales (Folklore of Siberia and Russian Far East 28). Novosibirsk: Nauka, 2010. 372 p. (In Russ.)
- Atutova G. I. (comp.) Old-Time Tales and Legends [Recorded] from Birkhu Gavrilov. Irkutsk: Vremya Stranstviy, 2017. 108 p. (In Bur. and Russ.)
- Baldaev S. P. Buryat Genealogical Tales and Legends. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2013. 710 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Selected Writings. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. 255 p. (In Russ.)
- Buryat Heroic Epic of Geser: More on [Its Nature and] Essentials. Academic session proceedings (Ulan-Ude, 2–5 February 1953). Ulan-Ude: Buryat-Mongol Institute of Culture, 1953. 199 p. (In Russ.)
- Damdinsuren Ts. Historical Roots of the Geseriad.

- Kradin N. N. et al. The Great Khitan Wall: The Northeastern Rampart of Genghis Khan. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2019. 168 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. The History of Baron Ungern: A Reconstruction. Moscow: KMK, 2011. 659 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L., Mitruiev B. L. Baron R. F. von Ungern-Sternberg as the God of War: Historical and religious grounds. *Oriental Courier*. 2023. No. 3. Pp. 96–111. (In Russ.) DOI: 10.18254/S268684310028202-0
- Mirzaeva S. V. Louzang Shono, Galdama, and Amursana — Noyons of Dzungaria. In: Bakaeva E. P. et al. Cross-Border Culture: Comparative Essays on Western Mongolian and Kalmyk Traditions. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. Pp. 313–343. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Published and Oral Epic Traditions. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)
- Nosyrev V. A. The Tale of Genghis Khan. *Buryatievedenie*. 1927. No. 3–4. P. 84. (In Russ.)
- Oinotkinova N. R., Shinzhin I. B., Yadanova K. V., Yamaeva E. E. (comps.) Altaian Historical Prose Narratives (Folklore of Siberia and Russian Far East 30). Novosibirsk: Nauka, 2011. 576 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. Erke — The Cult of Son of Heaven in North Asia. Materials in Turko-Mongolian Mythologies. Tomsk: Siberian Printing, 1916. 131 p. (In Russ.)
- Potantin G. N. Siberia and Northern Mongolia: Swastika in ethnic beliefs and tales. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1882. No. CCXIX. Pp. 116–331. (In Russ.)
- Prelovsky A. (comp.) Folktales of the Baikal: Folklore of Western Buryats, Nineteenth to Twentieth Centuries. Moscow: Novyi Klyuch, 2011. 496 p. (In Russ.)
- Ratcliffe J. Becoming-Geser, Becoming Buryat: Oral Epic and the Politics of Navigating Four Identity Crises. PhD thesis. Australian National University. Canberra, 2019. 263 p. (In Eng.)
- Sagalaev A. M. The Altai in a Mirror of Myth. Novosibirsk: Nauka, 1992. 175 p. (In Russ.)
- Sanzhiev B. (ed.) Buryat-Mongol ASSR: Celebrating the Twentieth Anniversary. Ulan-Ude: Burmongiz, 1943. 182 p. (In Russ.)
- Sharakhshinova N. O. Heroic Epic of Geser. Textbook. Irkutsk, 1969. 348 p. (In Russ.)
- Skrynnukova T. D. Sacral functions of Geser. In: Geseriad — Spiritual Heritage of Central Asia. Ulan-Ude, 1995. Pp. 99–102. (In Russ.)
- The Secret History of the Mongols. L. Shagdarov (ed.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 318 p. (In Bur. and Russ.)
- Tsybenova L.G., Rinchinova A. E. Historical aspects of the epic legend “Shono-Baator” of Dzungarian people. *Global Scientific Potential*. 2019. No. 12 (105). Pp. 51–53. (In Russ.)
- Tsybikova B-Kh. B. The image of Genghis Khan in the folklore of the Buryats. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022. No. 3(37). Pp. 149–159. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2022-3-149-159
- Tugutov I. E., Tugutov A. I. (comps.) The Heavenly Swan Maiden: Buryat Folktales and Legends. A. Tugutov (foreword), I. Tugutov et al. (comment.). Irkutsk: East Siberia Book Publ., 1992. 368 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. The cult of Geser in Mongolian ritual texts. *Humanitarian Vector*. 2017. Vol. 12. No. 2. Pp. 145–151. (In Russ.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-2-145-151
- Vanchikova Ts. P. To the question of Genghis Khan veneration: Based on The White History. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*. 2013. No. 2 (49). Pp. 112–119. (In Russ.)
- Yangutov L. E. Geser in Nyingma tradition. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2017. No. 2 (26). Pp. 44–47. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries: 1903–1907. Ts. Vanchikova, V. Lyksokova, I. Kulganek (comps.). Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2011. 264 p. (In Russ.)

